

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Хазар
©©©©

Сначала я нахально пишу о том, чего не знаю. Об Америке — хотя там не бывала. О церкви — хотя не воцерквлённый человек. О национальных меньшинствах — хотя сама русская.

Зато потом пишу о том, что знаю как облупленное: о своём милом, милом, неповторимом советском детстве. Если бы ещё не тотальный дефицит, отравлявший те годы...

Надежда Нелидова НАЗАД В СССР

АМЕРИКА — ЭТО...

Аня — студентка факультета иняз, проходит практику в школе. Один из уроков она посвятила рассказу об Америке, в которой через лингвистический центр побывала летом.

Когда самолёт шёл на посадку в Нью-Йорке, было отлично видно сам город и освещённую солнцем кромку моря. А самолёт всё кружился, минут сорок, наверно. Аэропорт Кеннеди всегда перегружен. Но не было ни капельки страшно, напротив, охватило совершенно детское нетерпение...

— Расскажи, чем мы отличаемся от них?

— Гораздо проще и короче рассказать, что между нами общего. Итак, Америка — это...

...СТРАНА ТОЛСТЯКОВ

Восемьдесят процентов населения — полные и очень полные люди. Они разучились ходить, передвигаясь только на автомобилях, в которые зачастую с трудом помещаются. В крупных городах общественным транспортом пользуются в основном латиноамериканцы, китайцы, негры, индусы...

Это мы по пути с работы домой легкомысленно заскакиваем в ближайший продуктовый магазинчик, чтобы взять на ужин пачку макарон и триста грамм колбасы. Там путешествие в магазин занимает более часа, правда, продуктов набирают на неделю.

Весь выставленный в магазинах товар умоляет и кричит: съешь меня! (Или: надень меня!) Всё выглядит нарядно и ярко, изящно упаковано. (Вас, молодые люди, этим уже не удивишь, а вот я застала и советские пустые прилавки, и настоялась в перестроечных очередях...) Всё стоит до неприличия дешево (по их заработкам, конечно). На всё действует система скидок. Американцы едят один раз в сутки: с утра до вечера. Не забыты домашние животные, допустим, даже для лошадей выпускают конфеты в форме красных яблочек.

За три месяца я поправилась на целых десять килограммов: не оттого, что отводила душу на заморских яствах, просто пища здесь безбожно напичкана гормонами. Просыпаясь в последнее время по утрам, с ужасом обнаруживала под глазами синяки и припухлости.

Конечно, у них есть магазины с более дорогой экологически чистой продукцией, но даже прилично зарабатывающие экономные (или прижимистые?) американцы как-то обходят их

стороной.

Стереотип американца, выработанный Голливудом: спортивные светловолосые красавцы и красавицы с точёными фигурами и лицами. На самом деле американцы скорее некрасивые, нежели красивые люди. Костяк североамериканской нации составляли англичане, которые в средние века так увлеклись сжиганием еретиков на кострах, что основательно перепортили свой генофонд: самые красивые юноши и девушки объявлялись дьявольским отродьем.

Но лица американцев делают неповторимыми и симпатичными приветливые улыбки, открывающие великолепные белые, как снег, зубы. А ещё: чистая кожа, всегда промытые и аккуратно уложенные волосы, ухоженные ногти. Делают маникюр и педикюр даже мужчины. Одежду предпочитают светлую и просторную. Однако в домиках лагеря, где я работала, у американских подростков был просто хлев — под грудой одежды и вещей кроватей не видно.

...СТРАНА ТРУДОГОЛИКОВ

У американцев две цели в жизни. О второй поговорим ниже, а цель номер один — найти хорошую работу. Это у нас: наткнулся на какую-никакую худую работёнку, на том спасибо. У нас наивысшая оценка трудовой деятельности

перед выходом на пенсию, почёт и уважение — единственная запись в трудовой книжке! У них — вечный поиск. Даже считается, что по истечении трех лет работы на одной должности человек исчерпывает творческий потенциал.

Возьмём юного американца, закончившего школу и собирающегося поступать в университет, но не имеющего для учёбы денег. Он идет, скажем, посудомойщиком в «Макдональдс», где получает 5 долларов в час. Узнав, что по соседству на автозаправке или в офисе свободна вакансия с оплатой 8 долларов в час, не раздумывая переходит туда. Впрочем, и здесь не задерживается, устроившись на завод (10 долларов в час). Через год деньги на университет накоплены, а студент продолжает работать в вечернюю, а то и в ночную смену, чтобы поддерживать себя материально.

Большинство американцев добросовестно трудятся с 8 утра до 8 вечера. Один раз в год полагается десятидневный отпуск. Я слышала, как стремительно идущий по улице Нью-Йорка джентльмен говорил по мобильному телефону: «Ты же знаешь, как я работаю, вот завтра встаю в четыре утра».

Но и оценивается такая работа не унижительными подачками. Особенно здесь уважают физический труд. В лагере, где я работала, очень ценили обслуживающий персонал, а

вожатые... Ну, подумаешь, вожатые.

Девиз — каждый сам за себя. Сильный пробьётся сам, а слабый — всегда обуза. Устраиваться куда-либо на работу за компанию, до кучи, как у нас, там не принято. Твой приятель — это твой конкурент, либо гиря на шее. Только в единственном числе ты по-настоящему мобилен. Карьеризм способствует развитию индивидуализма в американском характере. Впрочем, трагическая тема одиночества давно серьезно тревожит американских врачей, писателей, психо-логов.

Оттого, наверно, семья и дом у них — неприкосновенное, святое, крепкий тыл.

Итак, вторая в жизни цель американца — удачное создание семьи. Женятся тоже не как у нас: влюбились с первого взгляда, «залетели», расписались по справке, а энную сумму на свадьбу выделяют мама с папой. Там с этим не торопятся: мужчины заключают брак преимущественно в 35–40 лет, женщины в 28–35, когда занято прочное общественное положение. Женатому и замужней трудно, почти невозможно сделать карьеру.

Наверняка вам приходилось слышать утверждение: Соединенные Штаты — мировой вампир, который сосёт золотые мозги всех стран мира и заставляет работать на себя. Потому что американцы действительно... тупая нация.

Предположим, коренной американец никогда не возьмётся забить без молотка гвоздь. Тогда как любая русская женщина знает, что для этой цели отлично сгодится старый мужнин башмак.

В лагере, где русские девчушки чего только не нафантазировали бы: нанизали бус, наплели бы венков — аме-риканские девочки при изготовлении поделок были беспомощны, хоть плачь.

... СТРАНА НЕПЛАЧУЩИХ ДЕТЕЙ

За три месяца проживания я ни разу не слышала детского плача. Детей обожают и балуют. Родители играют с ними, как сверстники. Вместе кувыркаются на ковре, хохочут, и у самих — блеск в глазах. Для американских мамочек времяпрепровождение с детьми — не обуза, не наказание божие, а истинное наслаждение.

Такого зрелища, чтобы в оставленной у магазина коляске орало до посинения дитя, не увидите. Американцы — рассеянные люди и забывают, теряют и оставляют всё, что угодно: сумки, портмоне, кредитные карты, открытые машины, но только не детей. (Когда Аня рассказывала это, ещё не произошёл вопиющий случай с оставленным и погибшим в раскалённом автомобиле русским приёмным ребёнком. Впрочем, подобные трагедии нередки и в России, просто они не принимают мощной огласки. Да и прохладный

северный климат не способствует трагическим развязкам).

Во всех кафе стоят высокие стульча с перилами и горшками. Малыши в рюкзачках и слингах сопровождают мам всюду: от похода до вечерних развлечений.

Лозунг жизни: дети — цветы жизни, и их должно быть много. Беременным назначается высокое пособие, они получают необходимое лечение, насыщенное витаминами питание, фрукты. Зато мамочки несут чуть ли не уголовную ответственность за жизнь и здоровье ещё не родившихся малышей.

... СТРАНА, ГДЕ СТАРИКАМ ВЕЗДЕ ПОЧЕТ

Из детского лагеря я перешла работать в более престижный, для пожилых людей: своеобразные ясельки для стариков. В основном со всего света съезжаются евреи. У многих на руках полустёртые длинные лагерные номера. Возраст — от 80 до 90 лет.

Представьте себе эдакую девяностовосьмилетнюю бабку Ёжку. Горбатую, скрюченную, с личиком как печёная картошка. С трудом доковыляла до «ягуара», еле-еле вскарабкалась... Мощный автомобиль лихо разворачивается и на бешеной скорости скрывается

за поворотом — кто поверит, что за рулём не каскадёр из триллера?

Если русские женщины после пятидесяти носят тёмное и длинное и готовят «смертное», то мои подопечные вели себя так, словно жизнь у них только начиналась. Их учили танцевать, петь, разжигать костры. Водили на прогулки, катали в лодках, дважды в день в бассейне обучали плавательной гимнастике. Если кому-нибудь становилось плохо, наступал жуткий переполох. Приезжала «скорая», даже местный шериф.

Были русские эмигранты. Они плакали, говоря о покинутой стране, и хотели бы вернуться в Россию: не в нынешнюю бандитскую, которая наводит на них ужас и отвращение, а в доперестроечную. И печально добавляли: «Хотя мы бы у вас давно умерли...»

(Аня пока не знает, что выберет Америку постоянным местом жительства. Выйдет замуж, получит грин-карт, родит двух малышей — само собой, гражданок США. Будет работать переводчицей на телефоне.

И Анина мама будет слушать, как сон, рассказы дочери из-за океана. «За каждым пожилым человеком закреплены хаматэнды: это медсестра, домработница и добрая приятельница в одном лице... Очередной звонок. У одинокой старушки-француженки дома закружилась голова.

Падая, она подавила кнопку на «говорящем», с вмонтированным микрофончиком, браслете — такие носят на руках почти все американские старики.

И вот я перевожу диалог: «Мэм, не волнуйтесь, всё в порядке, к вам уже едет бригада врачей. Будут у вас через четыре минуты (запасные ключи от домов своих подопечных в поликлинике имеются). Опишите свои ощущения, мэм». — «У меня что-то с головой, я не чувствую ног и т. д.»

Анина мама вздыхает: недавно в подъезде умерла от инсульта одинокая женщина: заслуженная учительница, бывший директор школы, полвека стажа, гора наград. Обнаружили по выбивавшемуся из квартиры запаху гниения: она сумела доползти до двери...

... СТРАНА ЭМАНСИПИРОВАННЫХ ПУРИТАНОК

Все американки — страшные феминистки. Если мужчина без разрешения подхватит тяжёлую сумку или расплатится за даму в кафе, ею, возможно, это воспримется как смертельное оскорбление. Она — не какая-нибудь кисейная барышня, а свой парень в доску. Однако упаси Бог хлопнуть её по плечу — это почти подсудное дело. В столовой негр взял меня за руку, я от неожиданности вскрикнула. Чернокожий парень, от

греха подальше, в тот же день исчез из лагеря — насовсем.

Американки одеваются очень скромно (не путать со словом «бедно»). Массивное золото в ушах и на пальцах — китч, безвкусица. На улицах считается неприличным и вызывающим ношение очень коротких маек и шортиков, в которых у нас ходят поголовно все девочки. У них это — вызов обществу. В лагере женщины купались только в закрытых купальниках.

Воспрещалось прикасаться к закрытой одеждой части тела собеседника, даже если это всего лишь предплечье. Вожатый, остающийся наедине с ребенком, обязательно оставлял дверь открытой. Упаси бог обниматься и целоваться с детьми. И вот это немислимое пуританство свободно уживается с ранним сексуальным развитием детей. В моей группе шестилетний негритёнок не давал проходу маленькой мулаточке, видеть это было не очень приятно.

... СТРАНА ИММИГРАНТОВ

...Мексиканцы, негры, индусы, китайцы. Очень много евреев. Улицы Нью-Йорка буквально пестрят их шапочками и пейсами. Число русских в последнее время растёт не по дням, а по часам. В банке я сказала спутнице: «Говори что хочешь, нас здесь никто не понимает». А сзади голос с

усмешкой: «Ну, я вас понимаю...» Оказалось, почти земляк, из Перми.

Русских условно можно разделить на три категории. Первая, небольшая — усиленно во все времена привечаемые здесь учёные, программисты, профессионалы своего дела, американизировавшиеся очень естественно и незаметно. Вторая категория — это те, что в самом престижном нью-йоркском районе Манхэттэн скупают дома за пятьдесят тысяч долларов, сносят их и строят особняки за триста тысяч. Ну и, само собой, Брайтон-Бич: кусочек грязной, горластой и стервозной Одессы-мамы. Многие живут нелегально. Многие приехали сюда очень давно, но так и не удосужились выучить английский. Всюду русские вывески, на прилавках — колбаса «Останкинская» и «Московская», в аптеках знакомые нам всем но-шпа и цитрамон.

Две последние категории американцы считают отбросами общества и пройдохами, с которыми уважающие себя люди дела никогда иметь не будут. По ним, увы, они судят обо всех русских. Особенно бесчеловечно выходцы из России относятся к своим доверчивым соотечественникам, безбожно «кидая» их в совместных сделках.

По телевизору кадры о России — всегда негативные. Например, в «эпоху» Ельцина это был

первый российский президент во всевозможных стадиях опьянения. Все вопросы о России — только на жареные темы. Меня это коробило: «Неужели больше не о чем поговорить?!» А вообще, как бы дружелюбно ни относились американцы к русским, в душе они из чувства противоречия никогда не будут согласны с нами.

Я лично на себе не чувствовала дискриминации. Но когда мы группой как-то спускались в метро, девочки из Литвы посоветовали мне снять футболку с надписью «Россия»: от неприятных инцидентов никто не застрахован.

... СТРАНА НЕПРИКРЫТОГО РАСИЗМА

Уточняю: негритянского. Со стороны белых расизм тщательно скрывается. Белое население до сих пор испытывает перед неграми комплекс вины за работоторговлю. Если на одну работу поступают белый и чернокожий, возьмут, конечно, афроамериканца (слово «негр» у них считается почти оскорблением). Иначе он пойдёт в суд, и суд будет на его стороне.

Если вы обращали внимание, в американских фильмах хотя бы в одной положительной роли всегда снимается негр. Рас-сказывают, когда сюда приехал Киркоров и встречающие не нашли в его сопровождении ни одного лоснящегося чёрного

лица, то они с изумлением спросили: «Разве вы расисты?» В целом у меня осталось впечатление о неграх как об очень нахальных и распущенных людях.

Три месяца пролетели незаметно. Скучала я только по маме и по тихой, неброской нашей природе: мутноватой Чепце, ельникам по её берегам. А перед отъездом мне стали сниться страшные сны... Что я возвращаюсь в Россию.

АМЕРИКА: КАК У НИХ, И КАК У НАС

В разговоре она, волнуясь, подчеркивает, что очень любит родину. И ей было крайне неприятно слышать за границей от соотечественницы высокомерное: «Я в Рашку ни за что не вернусь»...

«Но обо всем по порядку, — рассказывает знакомая. — От дочери, гражданки Америки, пришел долгожданный вызов. 12 часов перелета, встреча в аэропорту, размещение у нью-йоркских знакомых, ужин в ресторане, прогулка по вечернему городу. Причудливое смешение архитектурных стилей, узкие улицы, праздные толпы туристов, запахи и музыка из освещенных кафешек, люди за столиками. И все же вечерний город — не то, его мешает воспринимать обилие

рекламы, блеска, переливающихся огней. Я вышла утром, и Нью-Йорк обрушился на меня бетоном, стеклом, камнем. Нет, серые громады небоскребов не давят, напротив, испытываешь восторг перед величием Человека...

Штат Мичиган, где живет дочь, это уже другая, двух-трехэтажная коттеджная, газонная Америка. Тамошние городки — словно ухоженные, цветущие клумбы. Нет пяди земли, где бы пробилась дикая травинка, сорняк. Нет даже кустов, которые бы росли сами по себе: они подстрижены то в форме шара, то куба, то другой какой-нибудь фигуры. Даже в лесу проложены асфальтовые дорожки и разбиты газоны. Каждое утро я просыпалась от треска газонокосилок...

Удивительны приветливость, открытость, непосредственность американцев. Официантка-гречанка, узнав, что приехала мама ее старой знакомой, ахнула, расцвела и совершенно по-домашнему обняла меня. Compliments женщинам звучат на каждом шагу: «Как вы прекрасно сегодня выглядите!»

В Америке, будучи студентами, работают даже дети очень состоятельных родителей. У них нет понятия «лишние деньги», чтобы сказать себе: «Ну хватит, теперь наконец можно поваляться на

диване». Труд у них не столько способ заработать деньги, сколько стиль жизни. Все живут хорошо, но ни о ком нельзя сказать: купается в роскоши.

В последний приезд дочери на родину мы оформляли на нее квартиру. Представляете, какой ужас испытала она, приучившаяся ценить каждую минутку, когда столкнулась все с той же монолитной угрюмой очередью, занимаемой, с предварительной записью, с четырех часов утра: в регистрационную палату, в бюро технической инвентаризации, к нотариусу.

Дочь предложила девушке-консультанту (все равно скучает за стойкой) помочь с оформлением документов: за деньги, разумеется. «Не надо мне ваших денег, я зарплату получаю», — гордо и оскорбленно отвечала девушка — судя по сильному акценту, уроженка сельской местности. Пускай зарплата нищенская и работа с населением организована из рук вон плохо, тем слаще маленькая власть над людьми, так зачем что-то менять?! Да и начальница за это по головке не погладит.

В Америке в присутственных местах посетителя встречают, будто именно его, единственного, ждали всю предыдущую жизнь. С порога участливый вопрос: чем мы можем вам помочь? И будьте уверены: помогут. Хотя бы чтоб

доказать, что не зря едят хлеб налогоплательщика.

В каждую точку контролера не поставишь. Это у нас стандартный ответ-отмазка на все претензии. А у них?

В ресторане долго не приносили курицу. Узнав об этом, вышел владелец ресторана, рассыпаясь в извинениях: «Курицу бесплатно от меня лично, и в подарок — десерт». Десертом оказался кусок торта таких размеров, что доесть его удалось с большим трудом.

В аптеке по ошибке выдали не то лекарство. Когда об этом стало известно, от аптеки на дом принесли подарочный сертификат и — бесплатно — нужное лекарство. Все чрезвычайно дорожат репутацией заведения и своим рабочим местом: лишь бы обиженный клиент не «капнул» на них куда следует и не затаскал по судам.

Если вы пересекаете американскую дорогу, все, что движется по ней на колесах, почтительно остановится, пропуская вас. Дружелюбно улыбаясь из-за стекла, водители жестами показывают: «Идите смелее».

Ну а если через дорогу переправляется беременная женщина — это все. Движение парализовано, на выглядывающих из-за стекла лицах гамма чувств: умиление, восторг, почтение.

Пешеход всегда прав. Если на него наехали, никто не станет разбираться, был он пьян или просто выбрал такой способ уйти из жизни. Однозначно будет виноват водитель. Это не как у нас, где любой оседлавший даже «запорик» воображает себя паханом. Да что там дороги, обычное дело, когда российских пешеходов давят уже и на остановках, на тротуарах.

Хотя... Справедливости ради надо сказать, что пешеход там — явление редчайшее на дорогах.

В воскресенье Америка (вся! По крайней мере, таково мое впечатление) отправляется в церкви, костелы, кирхи, мечети, синагоги и др.

В рестораны ходят тоже. У нас за рестораном все еще сохраняется репутация злчного места, где принято попрыгать, набраться в зюсю, познакомиться с представителем противоположного пола и, если повезет, продолжить знакомство в интимной обстановке. В Америке ресторан — скорее семейное заведение. Приходят с мужьями, женами, родственниками, детьми. В обычной американской семье два-три ребенка. Если один — значит, семья не в порядке.

Знакомая официантка на вопрос, может ли она отличить русского мужчину от американца, ответила: «Без проблем». Русский, если он даже пришел со спутницей: женой или знакомой —

обязательно активно стреляет глазами по залу. Для американца в этот вечер существует единственная, в его глазах, Женщина в мире — та, с которой он сюда пришел.

У нас женщина, которая развелась с мужем, имея на руках 1–2, а тем более, 3–4-х детей, ставит на себе крест. Кто её возьмёт с такой нагрузочкой? Согласна на любое, лишь бы оно было в штанах, лишь бы сорвать с себя оскорбительный ярлык «брошенка». В Америке странно, если многодетная мама останется одна — разве что категорически не переносит на дух мужчину.

Причем её новый избранник, нередко, — интересный и состоявшийся мужчина. Один минус — содержит бывшую со своими четырьмя детьми. В уик-энд две семьи, бывшие и настоящие, встречаются, устраивают совместные вылазки на природу, путешествуют. И восемь детей поднимают гвалт до небес и так перемешиваются, что уже не поймёшь, кто из них родной, а кто чужой. Все родные...

Америку обвиняют в обезличивании человека, в насаждении масскультуры, сравнивают с мясорубкой, безжалостно перемалывающей иммигрантов в людей без корней, без национальности, традиций. В городке, где я жил,

жили арабы, индусы, евреи. Все они пользуются плодами американской цивилизации, но берегут язык, обычаи, уклад жизни, веру, национальную кухню, одежду — и не собираются от этого отказываться. Это какой-то обогащенный, яркий, интернациональный мир. Очень непривычно было видеть, как закутанная с ног до головы мусульманка лихо управляет рулем навороченного авто, да еще при этом курит.

Пользуясь случаем, решила проконсультироваться у американского врача. Утром звонок по телефону из поликлиники: «Леди не забыла о посещении?» Просидела в уютном холле не более пяти минут — вышла сестра: сама предупредительность... По окончании приема дочка вынула из кошелька сто долларов — это тридцатая часть ее месячного дохода.

Как у нас. Заплатил в кассу стоматологии две тысячи рублей — это половина моей месячной зарплаты. Врач через закрытую дверь зычно выкрикнула мою фамилию. Медсестра задержала за рукав: «Женщина, вон тут в карточке уточнить надо...» Скажите, хотя бы за две тысячи рублей я имею право, чтобы ко мне обращались по-человечески, по имени-отчеству?!

Прилетела в Шереметьево, облепили

таксисты, называют цену до речного вокзала: 1100–1200 рублей. За 300 рублей села, двадцатый по счету, в маршрутку, набитую как банка шпрот, причем на моей руке всю дорогу ехал чей-то неподъемный чемодан. На речном вокзале подлетает таксист: тысяча рублей до Ярославского вокзала. Сошлись на 600.

На вокзале зашла в туалет. Запах убийственный, слив не работает. Не слабо после их общественных туалетов, где на полочке жидкое мыло, ароматизаторы, освежители нескольких видов, тонкое одноразовое полотенце, нежнейшая туалетная бумага. Медленно закипаю: может, и туалеты у нас такие потому, что мы все не можем залечить раны от немецко — фашистского нападения?!

Вдоль нашего состава метались два дико сквернословящих мужичка, как выяснилось, мои будущие соседи по отсеку. Ночью страшно, до крови разодрались, не давали спать всему вагону. Почувствовала в сердце знакомую глухую сосущую боль, о которой в Америке успела подзабыть. Мужичков милиционеры с санитарями сняли с белой горячкой между Нижним Новгородом и Кировым.

... А на перроне все те же низко опущенные головы, неулыбчивые лица, подавленные взгляды

(«Эти милые обветренные лица, точно вырубленные топором», — ностальгируя, писала она стихи за океаном)... И в трех метрах от вокзала — бурьян в рост человека. А в лифте — до воя знакомая, не просыхающая лужа на изъеденном, уже расслаивающемся полу, того и гляди рухнешь в шахту...

Американцы не понимают, как это: взять и пописать на угол дома, на лестничной площадке, в лифте. У них прямо глаза на пол выпадают: может, они не расслышали?! Может, речь идет о плохо воспитанной собачке, ну если это очень старая и больная собачка, тоже простительно. Ах, речь идет о Человеке?!

...Началась депрессия, с которой сталкиваются многие возвращающиеся оттуда. Да, возможно, даже скорее всего, мои впечатления предвзяты. Да, месяц пребывания там был для меня озарен присутствием дочери. Да, меня возили по белой, богатой Америке, и наверняка существует другая Америка. И тем не менее, тем не менее...

Каких-нибудь десять лет назад американские заметки вроде этих шли на ура. «Блин, живут же люди... А мы-то...» Сейчас в нас, наслушавшихся Задорнова, ничего, кроме унылого раздражения, они не вызывают. «Ну, нечего тут. Нечего тоску наводить. Как все плохо у нас, как все замечательно

у них. Хватит. Надоело».

«В России очень много талантливых людей, — развивает свою мысль знакомая. — Самые замечательные писатели — наши. А жизнь свою обустроить не можем. Наш враг — мечтательность. Все с удовольствием мечтают, говорят — и никто не хочет активно менять свою жизнь. Нужно менять наш мощный, грубый менталитет, а на это уйдет не меньше двухсот-трехсот лет. Общество можно условно разделить на говорунов (интеллигентов) и мочунов (тех, кто мочится в лифтах)...»

Я (автор), безусловно, причисляю себя к говорунам. Третий год собираюсь обиходить участок у дома, и каждый раз по разным причинам (все до одной — страшно уважительные) не могу претворить скромную мечту в жизнь.

Хотя могу бросить камешек и в знакомую. В середине девяностых, когда бюджетникам повсеместно задерживалась зарплата, многие из них решили не выходить в отпуск до тех пор, пока им не вернут долги, не повысят нищенскую зарплату. Нашлись люди, организовали коллег, рисковали, между прочим, рабочим местом, не жалели времени, сил и здоровья. Знакомой, в сущности, оставалось придти на готовое: присоединиться к спланированной акции. Всего лишь не писать заявление об уходе в отпуск, сделать первый

крохотный шажок в защиту своих прав. И она... его не сделал. Как не делают этого до сих пор наши затурканные пешеходы, пациенты, покупатели, пассажиры, посетители казенных учреждений...

Теперь знакомая тоскливо называет Америку землей обетованной. А кто будет «обетовывать» Россию? Легче всего отмахнуться: «Э, яйцом стену не прошибешь. С таким народом каши не сварить...» Забывая, что мы неотъемлемая часть этого народа.

«НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ФАНТИК...»

— Да у вас какие-то нападнические, злопыхательские вопросы! Вся зараза от вас, журналистов, идет, — возмутился краевед. — Я бы всех корреспондентов назвал садистами! Болячка заживает — нет, вы в неё тыкаете, ковыряетесь в больном месте! Какая у вас цель: с плюсом или минусом написать эту статью?! Если с минусом — мы немедленно уходим!

— Но почему, стоит только коснуться этой темы, за ней сразу видят разжигание национальной розни? Почему на эту тему наложено табу?!

Шёл круглый стол по национальному вопросу. Из меня не получилось Познера, которому участники преданно смотрят в рот, а свой

раскрывают на строго лимитированное время. Гости сразу вырвали из моих слабых рук рычаги управления, и наш «круглый стол» утлым суденышком понёсся по воле бурных волн.

— Я вот что хочу сказать. Пошёл в первый класс, знал по-русски одно слово «мама». Служил в Узбекистане. Командир дивизии у нас был грузин Марквеладзе. Начальник штаба русский, Кульбин. Зам начальника азербайджанец Джафаров. Среди нас были евреи, уйгуры, литовцы, узбеки, башкиры, татары, латыши, украинцы, белорусы. Вот такой интернационал. Это была единая семья. Чего вы сейчас-то опять копаете, ищете?!

У нас так не ходят.

— Вы тихие — мы шумные. Вы скрытные — мы народ открытый, горячий, как дети. Такой у нас менталитет, — слово «менталитет» было произнесено бойко, как гладкий обкатанный камешек.

В Доме дружбы зачитывали обращение русской девушки, которую, по её мнению, подвергают моральному унижению и оскорблению джигиты.

Её путь на работу каждый день идёт через рынок. Она проходит мимо сидящих на корточках и играющих в нарды мужчин. Девушку провожают пристальные взгляды, а затем за спиной раздаётся взрыв оглушительного гортанного гогота. И так

каждый раз. Она сжимается и невольно ускоряет шаг, почти бежит.

Имейся другой маршрут на работу — она бы с удовольствием его сменила. Хотя... В конце концов, она у себя дома или на птичьих правах? Почему должна искать обходные пути, как воришка?

Глава диаспоры, дружелюбно и белозубо сверкая улыбкой, чуть не хлопал панибратски по плечу собеседника:

— Слушай, дорогой. Парни смеются что-то между собой, по своему поводу. У всех нас есть жёны, сёстры, дочери. Мы уважаем женщин. Мы просто любим пошутить, весёлый народ.

— Хорошо. А если бы у вас в ауле вот так же шла девушка, попробовал бы кто за её спиной громко засмеяться? Это же кровная обида, шутнику бы не поздоровилось.

— Э, дорогой, не обижайся. Но нас в ауле девушки так не ходят. Ходят в платках, длинных платьях...

Вот и поговорили.

Из материалов круглого стола.

— В Советском Союзе в каждый обеденный перерыв шла передача «Песни и танцы народов Советского Союза». Почему таких передач нет

сейчас? Мало национальных культурных мероприятий...

— Да ведь всё это уже было, было! Красная площадь в пёстрых хороводах из 15 сестёр-республик. Тубетейки, мониста, сарафаны, папахи. Ни в одной другой стране мира не уделялось столько внимания и щедрых финансов дружбе народов: съезды, молодёжные форумы и фестивали с вынесением звонких резолюций, ежедневные национальные передачи, разноязыкие концерты на ТВ и радио. Но потом были Карабах, Приднестровье, Ош, Чечня, танки в Эстонии... Значит, шли не тем путём?

Дело Медведева.

Когда месяц назад в квартире этажом ниже появились новосёлы, тихому подъезду показалось: въехали цыгане. Галдёж, бесцеремонный хохот, переклички (как в лесу) с балкона во двор и обратно. Громкая музыка, частые, вне зависимости от времени суток, громкоголосые гости.

Гостеприимность — вещь хорошая. 49-летний эксперт-криминалист полковник Олег Медведев и его семья тоже любили хорошие застолья и гостей. Но — даже устраивая на даче шашлыки — посматривали на соседние домики. Погаснут окошки — тут же сворачивали веселье. «Люди

наломались за день, спать легли».

А уж если дома ребёнок у гостей слишком расшалится, распрыгается — тут же сажают за мультики или настольные игры («Потом во дворе порезвимся, хорошо?») Пусть малыш с детства привыкает к тому, что вокруг — слева, справа, сверху, снизу — живут люди.

У кого-то маленький ребёнок, у кого-то больная бабушка, кто-то отсыпается с ночной смены, у кого-то просто нервы. Хотим мы того или нет, живя в многоквартирном доме, мы обречены жить в ОБЩЕЖИТИИ, по его правилам. Там, где начинается твоя свобода, заканчивается свобода соседа.

Конечно, не все в большом доме были столь щепетильны, как «этот интеллигент» «очкарик» Сухарев. Но договориться можно было со всеми. Так было до приезда новой семьи.

У соседей очередное шумное празднество: широко отмечали новоселье и день рождения девятилетней дочери. Собралось не менее дюжины взрослых гостей.

Весь вечер оглушительная резкая музыка, гоняемая не по первому кругу, пляски от души, топот крепких ног. Хотите праздновать по ночам — ради Бога. В ресторане или в кафе. Или в доме-крепости, окружённом трёхметровой толстой

каменной оградой, расположенном на приличном расстоянии от соседних домов — там твоё веселье никому не помешает.

Но в тесном многоэтажном доме-улье, в типовых квартирах, разделённых гипсокартоном в ладонь толщиной, с полами и потолками, где шумовая изоляция — одно название, и вздрагиваешь даже от соседского беспардонного слова за стеной...

Жена Олега брала деловые бумаги на дом — у неё ответственная работа, связанная с решением людских судеб. Одна неверная цифра, один упущенный факт — и может быть исковеркана невинная человеческая жизнь. Сегодня о работе не могло идти речи. Хорошо, если удастся уснуть с пригоршней снотворных — но о ясной голове назавтра можно забыть.

Время к полуночи, а веселье только набирало обороты. Поутру Медведеву будет стыдно глядеть в глаза не выспавшихся молодых мамочек с капризничаящими, хныкающими, клюющими носиками детьми, и пахнущих корвалолом пенсионерок.

«А ещё в погонах...» «Называется, живём в доме с полковником...» «Ну, уж если работник правопорядка разошедшихся «сов» не может утихомирить — куда нам...» — будет читаться в их укоризненных взглядах. То, что человек на

домашнем отдыхе, без формы — значения не имеет, ты всё равно несёшь ответственность за покой в доме.

Даже если твоя профессия мирная, лаборантская, и твоё оружие — сложные химические формулы в распутывании хитроумных преступлений. Но и по инструкции человек в погонах не имеет права проходить мимо нарушителей порядка.

Олег решил спуститься, напомнить соседям, что дом спит, пора закругляться. Далее, со слов адвоката обвиняемого, события разворачивались следующим образом. На стук (звонок в шуме и гаме не слышно) вышла хозяйка. Она покивала, пообещала уменьшить звук. Вертевшаяся тут же девочка-именинница побежала отключать колони.

Это несказанно разгневало разгорячённых вином, покрасневшихся мужчин. Типа, а ты кто такой, чтобы нам указывать? Они вырвались из квартиры, возбуждённо теснили Сухарева, угрожали расправой. Хозяйка квартиры, помогая мужу, подскочила, со всей силы и размаху ударила в лицо Сухарева, «размазав» по лицу очки. (Напоминает инцидент на Матвеевском рынке, тем более нападавшие знали, что перед ними правовик. Что касается «матвеевского» случая, его успешно замяли. Вместо того, чтобы разматывать коррупционный клубок, депортировали десяток ни

сном, ни духом невинных вьетнамцев).

Пьяные энергично хватали и дёргали его за ноги, пытаясь повалить на лестницу. Сухарев отступал, ступенька за ступенькой, вверх. А за его спиной — распахнутая дверь квартиры, семья готовится ко сну...

Когда он понял, что дело приобретает опасный оборот и разборка неминуемо переместится в его жилище, сделал несколько предупредительных выстрелов из травматике. И, вырываясь из рук троих сильных мужчин, выстрелил — в «размазанных», сбитых очках плохо видя — куда, в кого. Хаотичные пули застряли в стенах, потолке. В тесноте и толкотне узкой лестницы был убит хозяин квартиры, брат хозяйки ранен.

Стрельбой нас нынче не удивишь. Стреляющие свадьбы, пальба по машинам, голубям, людям, пулянье просто в воздух — от бурления горячей крови, от избытка торжествующего, пьянящего, безнаказанного ощущения себя хозяевами улицы, города, да чего там — страны.

В случае, если стреляют приезжие, принадлежность к определённой нации всячески заминается. Попробуй упомяни: как можно, разжигание межнациональной розни! Но уж если местные, защищая себя и закон, осмелятся дать отпор — тут на стол широким уверенным жестом

выбрасывается национальная карта. «Вы русские экстремисты, по этническому признаку ущемляете гордые малые народы!»

Так и произошло в случае с полковником Сухаревым. Чтобы узнать, на чьей стороне заказ, сила и деньги, стоит заглянуть в интернет. Он пестрит сайтами-клонами под жирными заголовками: «Агрессивный русский полковник против мирных азербайджанцев...» «Полковник милиции с особой жестокостью убил приезжего предпринимателя...» «Убийца-криминалист всё ещё на свободе...»

Прошло немного времени после трагедии, а родственники пострадавших уже сидели в популярном ток-шоу на центральном телеканале. Торопясь уложиться в отведённый отрезок времени (минута телепередачи, если её ведут в твоих интеексах) стоит баснословных денег), рисовали произошедшее исключительно национальной краской.

К делу активно подключились диаспоры и землячества. К сожалению, в последнее время многие из них представляют собой маленькие государства в государстве, зачастую криминализованные, открыто живущие не по закону, а по понятиям.

Мудрые, убелённые сединами мужчины